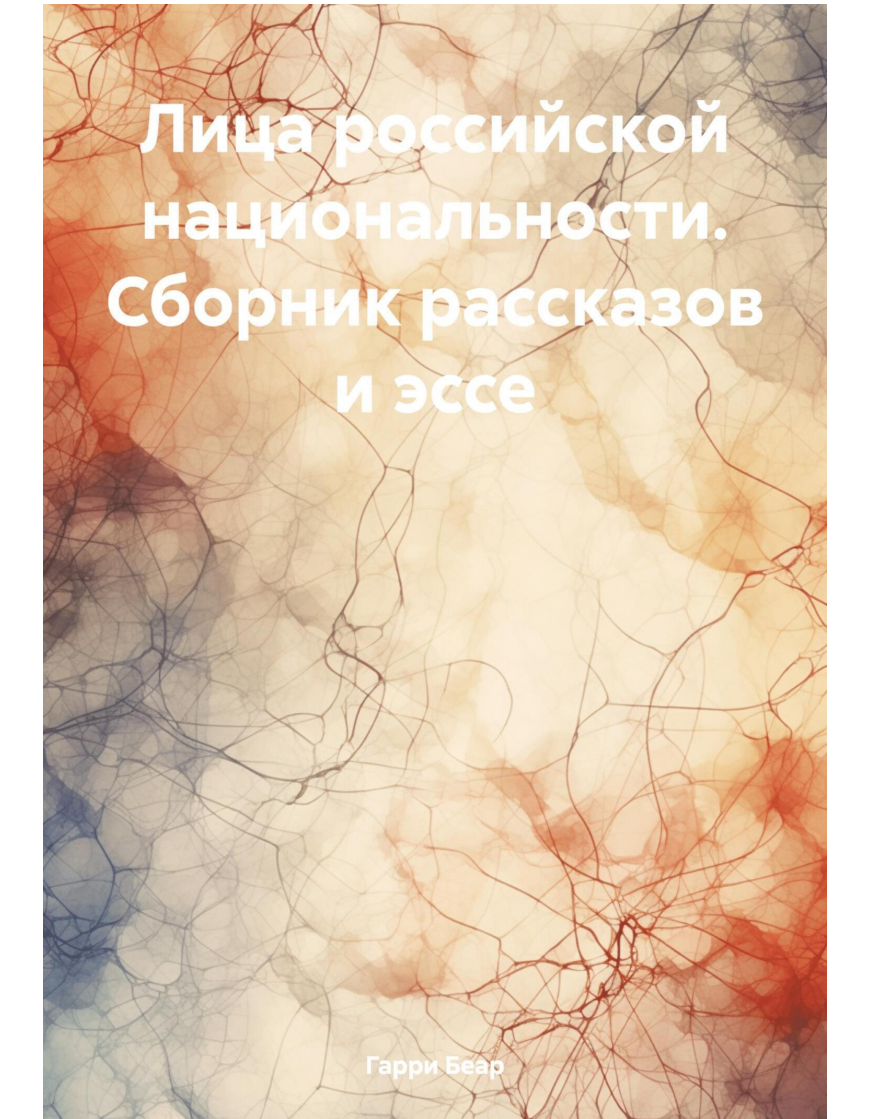




Лица российской национальности. Сборник рассказов и эссе

Гарри Беар

Гарри Беар

Лица российской национальности.

Сборник рассказов и эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71871685

SelfPub; 2025

Аннотация

В книгу вошли произведения, созданные Г. Беаром в середине – конце 1990-х годов. Читателю предлагается авторское восприятие знаковых фигур русской истории и культуры – Ивана Грозного, Владимира Ленина, Михаила Лермонтова и Владимира Набокова. Каждый из персонажей видится автору неким «лицом (типом) Российской национальности», позволяющим судить о взаимовлиянии ключевых оппозиций в российском обществе: «личность – государство», «правлящая элита – народ», «частная жизнь – жизнь страны». В книге представлена и повесть «Студент» (ред. 2003 г.), рассказывающая о молодом человеке, не нашедшем своего предназначения в «смутные» 1990-е гг. и сведшим счеты с жизнью. Это, по словам автора, только один вариант пути представителя студенчества «тогдашнего смутного времени», но этот вариант требует своего осмысления.

Вместо послесловия автор предлагает читателю свои «опыты» в стиле хокку и рубай, отражающие знаковые события нашей действительности последних лет.

Содержание

От автора	6
Глава 1. Рождение. Страхи бояр о малолетстве Иоанна	10
Глава 2. Первые шаги Государя	14
Глава 3. Земской Собор. Создание первого русского правительства	18
Глава 4. Курс царя на усиление абсолютной власти. Первые репрессии	24
Глава 5. Опричнина. Измены царю и казни изменников	28
Глава 6. Походы на Новгород и Псков. Бегство Ивана из Москвы	34
Глава 7. Отмена опричнины. Жены и дети Ивана Грозного	39
Глава 8. Иван и Стефан: войны с Польшей	43
Глава 9. Последние годы царя Ивана. Смерть Грозного	48
Последствия правления царя Ивана	52
Один среди звезд(Детство и юность Михаила Лермонтова)	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Гарри Беар
Лица российской
национальности.
Сборник рассказов и эссе

От автора

В состав этой книги вошли в основном произведения, которые были написаны мной в середине-конце 1990-х годов. В силу различных причин и обстоятельств эти тексты были несколько скорректированы в конце 2000-х гг. Перед читателем – четыре историко-портретных очерка, представляющих мое восприятие таких знаковых фигур русской истории и литературы, как Иван Грозный, Владимир Ленин, Михаил Лермонтов и Владимир Набоков. Изначально у меня не было цели найти в биографиях этих знаменитых русских людей какие-то «потаенные» места или на «свой» неповторимый лад трактовать произведения, созданные ими.

Каждый из этих людей рисовался мне в ходе работы определенным *«лицом (типом) Российской национальности»*, позволяющим судить о степени взаимовлияния таких ключевых оппозиций, как *«власть – русское общество»*, *«роль личности – суть государства»*, *«правлящая элита – народ»*, *«частная жизнь – жизнь общества»*. Насколько мне удалось передать колорит эпохи, в которую жили и творили эти яркие представители русской цивилизации, понять значение деяний «героев», по терминологии Т. Карлейля, пусть рассудит читатель.

В книгу включена и повесть «Студент» (в редакции 2003

года), рассказывающая о молодом русском человеке, не нашедшем своего предназначения в середине «смутных» 1990-х годов и сведшим счеты с жизнью. Конечно, это лишь один вариант пути представителя студенческой когорты *«тогдашнего смутного времени»*, но и этот вариант требует серьезного осмысления. Некоторые критики трактовали повесть как некий «ремейк» знаменитых «исповедей» героев Ф. М. Достоевского. Однако, смею думать, мне все же удалось создать собственный вариант «героя-идеолога» Кероля N, который проходит путь надежд и разочарований, в конце концов находя трагическое для себя решение. И это, по-моему, еще одно типичное «лицо Российской национальности». Вместо послесловия предлагаю читателю освежить память воспоминанием о событиях последних лет, которые нашли отражение в моих скромных опытах в стиле хокку и рубай.

Надеюсь, что в новую редакцию книги войдут еще три произведения, которые находятся в настоящий момент в различной степени готовности – эссе о Льве Бронштейне (Троцком), писателе Федоре Достоевском и великом поэте Владимире Маяковском. Но это будет уже совсем другая книга и, в каком-то смысле, несколько иное осмысление истории.

В добрый путь, читатель! Прошу об одном – не забывай слова нашего сумрачного гения, который много размышлял и о русской истории, и о сумерках цивилизации: *«И нам сочувствие дается, как нам дается благодать»*.

Царь Иван(Прогулки по русской истории)

– И вниде страх в душу моя, и трепет – в кости моя...

Иван Васильевич

– Разве нет уже Бога и правосудия Вышнего для царя?

Андрей Курбский

– Горе Царству, коим владеют многие...

Иван Грозный

Великий историк наш Николай Карамзин говорил как-то, что история вообще *«есть священная книга народов, зеркало их бытия, пример возможного будущего»*. Правление на Руси царя Ивана Васильевича Грозного до сих пор не может быть **ОДНОЗНАЧНО** оценено строгими и беспристрастными потомками его. Одни историки называют царствование Ивана 4-го **«ужасом России»**, другие толкуют о спорном, **жесток**ом, но **«государственно целесообразном»** смысле деяний царя, третьи – настаивают на бессмысленности и преступности действий зрелого Властителя, называя царя Иоанна **«громким ничтожеством»**.

Не претендуя на полную истину, коей ведает один Бог,

скромными силами нашими постараемся дать свое толкование эпохе царя Ивана (больше русских царей с таким именем не было: Иван Третий назывался Великий Князь, а два Ивана Пярых, увы, не правили). Постараемся определить, что же двигало поступками русского самодержца, столь ненавидимого поздними и нынешними сановниками-лизоблюдами, но столь почитаемого в народе русском. В народе, который может простить своим правителям свирепость и беспощадность, но никогда не простит трусость и скудоумие. Не станем мы, подобно Бояну вещему, «растекашися мыслию по древу», а шибанем об Иване 4-м кратко да метко, как сам царь умел пригвоздить Словом врагов своих... Кровь, пролитая Иваном Грозным, засохла на нем, а потому история его жизни по сути «житие Великого грешника», никак не иначе.

А самую непреложную Истину мы попросим сопутствовать в нашем скромном повествовании.

Август 1994 г.

Глава 1. Рождение. Страхи бояр о малолетстве Иоанна

25 августа 1530 года в седьмом часу ночи родился царевич Иоанн, которому суждено было стать одним из известнейших монархов Европы 16 века. Карамзин в «Истории государства Российского» указывает, что в самую минуту рождения Иоаннова произошло знамение – *«земля и небо потряслись от неслыханных громовых ударов»*. Знамение, более чем подтвердившееся... Великий князь Василий Иоаннович и его жена Елена Глинская, как никто, радовались рождению царевича, после 3 лет бездетности Глинской и после многодневного усердного моления о ниспослании наследника русского престола. Но счастье царя Василия было недолгим, вскоре он внезапно заболел и умер... Елена с приближенными боярами и ближними родственниками стала неумело править от имени малолетнего Иоанна. Будущий правитель не получил длительного правильного воспитания со стороны отца-царя, и Ивану 4 долго и мучительно пришлось идти к подлинной власти Государя...

Как справедливо замечает историк С. Соловьев, *«никогда еще Россия не имела столь малолетнего властителя...»*. Боярское кодро забеспокоилось: все хотели быть поближе к

царице и под прикрытием ее власти вести свои земные делишки. Князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский преуспел было более других бояр, из постели царицы сей князь принялся управлять русским государством. При этом руководил Ванька весьма своеобразно, вскоре жертвами его интриг пали князь Юрий Дмитровский, Михаил Глинский, дядя царицы, Воронцов и многие достойные люди, не нашедшие общего языка с временщицей. Большую роль в наступавших репрессиях сыграл князек Андрей Михайлович Шуйский, доносами и наветами протоптавший себе дорожку к трону.

В 1536 году Елена Глинская, поверив очередным лживым наветам, попыталась заманить в Москву и погубить Андрея Иоанновича, младшего дядю царевича. Однако князь поднял бунт против царицы и даже собрал войско. Ряд бояр, видевших в Глинской всего-то «постельную царицу», поддержал князя Андрея и выступил на его стороне. Однако родственник царя оказался трусоват и в решительный момент сдался на «милость Еленину». Он был немедленно казнен, большинство его соратников также погибли мучительной смертью, а «детей боярских, взявших сторону Андрееву, числом тридцать, повесили, как изменников, на дороге новгородской...» (Н. Карамзин). Все это видел и наблюдал смысленый Иоанн, который в этот момент понял, как дешево на Руси ценится человеческая жизнь, как подлы и переменчивы бояре, как ненадежна придворная челядь. Иоанн наблюдал, анализировал, но сделать пока ничего не мог, хо-

роня в душе страх и ненависть.

В 1538 году царица Елена умерла, и малолетний Иван остался совсем один... Князья Шуйские захватили власть, отодвинув конкурентов из бояр и духовенства. Эти brave ребята наслаждались властью, пользовались государственной казной как собственным кошельком, а наследнику престола выражали оскорбительное небрежение. Оппоненты Шуйских безжалостно устранялись, глава этого клана Андрей Михайлович, не выдержав обвинений Семена Воронцова в узурпаторстве, убил его на глазах юного царевича. Все это время маленького Ивана наряжали царем, во дни торжеств усаживали на трон и делали вид, что трепещут перед ним. Царевич Иван уже видел и понимал, что является лишь ширмой для боярских интриг, что он не более чем «символ Власти», но не сама Высшая власть. Он понимал это, но страх и неуверенность в себе глубоко поселились в нем.

В 1543 году во время очередной боярской стычки Иван 4 проявил характер и отдал псарям на растерзание вконец обнаглевшего Андрея Шуйского. Бояре изумились было царевой решительности, поняли, кто перед ними. Шайку Шуйских на время вышвырнули из дворца... Власть перешла к дядьям Ивана – братьям Глинским, но и они действовали теми же методами, что и прежние властители, решая свои частные делишки и не думая о государстве. Вот так, казнями да боярскими распрями, начиналось формальное царствование Ивана 4-го, ставшего вскоре Грозным и для бояр, и для рас-

прей их.

Приближался 1547 год...

Глава 2. Первые шаги Государя

16 января 1547 года Ивана Васильевича венчали на русское царство. Митрополит Московский Макарий торжественно возложил на царственного юношу шапку Мономаха, бармы и торопливо сунул в руки скипетр. Иоанн спокойно, не шелохнувшись, выслушал литургию, принял поздравления от духовенства и высокородных бояр, а затем, «ступая с камки на бархат», вытек из храма, где и происходило действо. «Подлый» народ, толпившийся поодаль от алтаря, тут же с шумом и шипом бросился к нему и ободрал его «на память». Стража побоялась вмешаться, опасаясь то ли бунта, то ли гнева новоявленного самодержца... Так холопы показали, на что они способны, в самый день царственного венчания.

После официального вступления на царство Иван решил жениться; страсть к физическим утехам была ему хорошо знакома, и она была даже поощряема людьми, его окружавшими. Выбор Ивана пал на девицу Анастасию Захарьину-Романову, юную летами, но прекрасную лицом и смиренную. Отец Анастасии был царским окольничим, дядя – боярином, возвысившимся при царе Василии Иоанновиче. Молодые обвенчались уже 3 февраля 1547 г. и «явились глазам народа»... Москва была пьяна неделю; всем казалось,

что царствование Ивана 4 наконец-то обретает Божественное предназначение. Титул «царя» придавал весомости фигуре Ивана Васильевича в европейских делах, так как таким титулом обладал в Европе только император Священной Римской империи.

Молодой царь видел все и понимал беды Русского государства, он с детства наблюдал нищету народа и своеволие бояр. Он искренне хотел с Божией помощью решать проблемы, хотя и не очень представлял, как будет это делать... Однако семья Глинских вовсе не торопилась освободить свое вельможными задами насиженное место у трона. Дядья Ивана по-прежнему наущали молодого самодержца править по-старому, опираясь лишь на высокородных людей и не приближая «служилых». Они инстинктивно опасались жителей Новгорода и Пскова, где народное вече не потеряло своего былого величия... Для начала раздувшийся Иоанн подпалил бороденки псковским челобитчикам, пришедшим жаловаться на своего наместника – хама и ворюгу Турунта-я-Пронского, но потом... Разобравшись и посоветовавшись с женою, царь велел отловить и «хорошенько наказать» самого Турунта... Из-за неурожая и пожаров были резко повышены налоги, что вызвало праведный гнев у населения Москвы. Страсти закипали, Иоанн оставался один на один и со своим величием самодержца, и с проблемами, назревшими в стране.

12 июня 1547 года начался знаменитый Московский по-

жар, свирепствовавший 10 дней и уничтоживший большую часть столицы Русского царства вместе с тремя тысячами жителей. Сгорели Кремль, Китай-город, Большой посад... Московские люди с опаленными лицами бродили по городу и «в горести великой простирали свои вопли Богу»... Но никакой помощи от власти для горожан не было. Ужаснувшись пожару, царь с домашними быстро укатил в село Воробьево и грустно напился там, заочно сочувствуя москвичам. Созревали предпосылки для бунта! Бояре во главе с бодрым князем Скопиным-Шуйским решили, воспользовавшись случаем, покончить с всевластием рода Глинских. Они стали внушать черни, что поджог Москвы – дело рук княгини Анны, бабки государевой, которая якобы, оборотясь птицей, летала по городу и кропила дома, и ее детей – Юрия и Михаила. Холопье племя поверило наветам и бросилось на поиски ненавистных царевых родственников. Князь Юрий Глинский спрятался было в церкви Успения, но смерды нашли его там и убили. Распоясавшись, подлые люди поубивали всех найденных слуг Глинских с их детьми, а затем бросились к царю в Воробьево. Над царем Иваном нависла страшная угроза.

Окружив царские покои, холопы потребовали выдать им на расправу княгиню Анну и сына ее Михаила. Перепуганные бояре, бывшие при царе, посоветовали было Иоанну *исполнить волю народную* во избежание худшего. Обозвав их «паскудными псами», Иван 4 решил держать оборону и

велел стрелять в бунтовщиков. Толпа, почуяв смерть, разбежалась, а люди Иоанна догоняли бегущих и *«рубili их подлые головы, ако кочаны капустаные»* (цитата из историка 17 века Михея Трюхина). Именно тогда и рек царь Иван свои знаменитые слова: *«И вниде страх в душу моя и трепет – в кости моя...»*. Но страх и трепет быстро прошли, а железная воля и умение применять силу оставались с Иваном Грозным уже до его кончины. Да и народ понял, что над ними стоит подлинный царь, а не боярский временщик. В этот день Иоанн стал подлинным Государем, царем Русской земли, где страх и любовь всегда рядом.

Глава 3. Земской Собор. Создание первого русского правительства

Конец 1547 года ознаменовался созданием при царе Иване так называемой Избранной Рады, куда вошли представители самых разных сословий: князья Курбский, Шереметев и Воротынский, священник Благовещенского собора Сильвестр и дьяк Висковатый, человек низкого звания Алексей Адашев, родственники Ивана по линии жены Захарьины и др. Царь, поняв, что в одиночку он с государством русским не управится, приблизил к себе «умные головы», по сути сформировав кабинет министров (русское правительство) с Адашевым во главе.

В это время значительно возвысился монах Сильвестр, человек неординарный, образованный и, несомненно, обладавший неким магнетизмом. Напугав 17-летнего царя **«детскими страшилами»**, он, позднеjšíму выражению Иванову, вполз в управление государством. По мнению историка Н. Костомарова, влияние Адашева и Сильвестра благополучно сказалось на управлении Московским царством. Однако Ивану, с его необузданным темпераментом, едва ли надолго могла понравиться опека со стороны этих людей. Впрочем, их *умное влияние* и бесконечно счастливый брак царя

с Анастасией умягчали его характер и привели к ряду положительных изменений в официальной жизни Руси.

В своей речи перед открытием первого Земского Собора в феврале 1549 года царь Иван говорил о том, что прежде он *«казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных...»*, что теперь он *«молит веру к нему и любовь к нему»*, что он готов стать всем русским людям «судьей и обороною». Со стороны самодержца такие слова звучали тогда как нечто совершенно необыкновенное. Сильвестр и Адашев тихо улыбались, слушая сие милые им речи, но истинный смысл затеваемых Избранной Радой преобразований до царя не доводили, считая Ивана еще недостаточно подготовленным для этого. На Соборе было решено составить новый Судебник взамен старого, принятого еще при Иване 3-м, и провести некие реформы в области управления территориями, так как назначаемые сверху наместники-«кормленцы» стали уже для большинства населения невыносимы.

На Руси в то время существовала странная система разделения власти – на «государеву» и «земскую», что давало возможность расторопным боярам и княжатам пользоваться этим обстоятельством. Когда им было выгодно прикрыться авторитетом царя, они объявляли дело «государевым», когда «бояре» хотели поживиться на чем-то самостоятельно, дело нарекалось «земским». В «Судебнике» 1550 г., подготовленном Сильвестром, видна попытка окончательно централизовать государство, дав больше власти Приказам (мини-

стерствам) и разделив поселения на города, волости, уезды и т. д. Составители «Судебника» пытались оградить простой народ от тягот «государева суда», где неизменно побеждал более влиятельный и богатый, и произвола наместников на местах. Согласно новому закону, наместникам, в частности, запрещалось творить суд без участия старост и целовальников. Жители той или иной области получали даже право «судиться и рядиться» через посредство выборных лиц... Для своего времени «Судебник» Ивана Грозного был достаточно прогрессивным законодательством, частично примирившим интересы царя, знатных бояр, служилых людей и простого люда.

С другой стороны, ставшие регулярными с 1550 года Земские соборы по сути узаконили правительство А. Адашева и его реформаторскую деятельность. 1070 провинциальных дворян было «посажено» под Москвой, им были даны земли и право на государеву службу. Как умиляется историк Михей Трюхин: *«И иные служилые потекши в Москву, ако мухи на подлое, и садшиа там, и получишиа земли по большой сохе»*. Новоявленный премьер Адашев явно рассчитывал разбавить зажравшееся московское боярство, потерявшее способность к грамотному правлению, толковыми людьми из провинции. Княжата и знатные бояре были заволновались, побежали к царю с челобитными, но им быстро заткнули глотки сытными подачками. Были проведены частичные реформы в переустройстве военной организации Руси:

в 1550 г. был создан Разрядный приказ с дьяком И. Выродковым во главе, под началом которого сформировалось регулярное 3-тысячное войско стрельцов. Опасность для целостности Москвы по-прежнему представляли осколки Золотой Орды – Казанское и Астраханское ханства. С ними надо было что-то делать, царь Иван объявил сбор средств на Казанский поход.

В 1551 и 1552 году, после неудачных походов 1540-х гг., Казанское ханство, погрязшее в дразгах и внутренних татарских противоречиях, было окончательно разгромлено и включено в состав русского государства. Татарский «начальник» Едигер был перекрещен в Симеона и доставлен в Москву; во времена опричнины он еще сыграет свою роль в русской истории. Несколько позже (1556 г.) было покорено Астраханское ханство, и черемисы, нагаи, чувашаи обязались не разбойничать и исправно платить русским «яса́к» за право существовать на земле Московского царства. Геополитическим, как сказали бы сейчас, нарывом продолжало оставаться для Москвы Крымское ханство, но талантливый Девлет-Гирей во главе хорошо обученных татарских воинов сумел остановить казацкое войско на подходе. Английские и голландские купцы, узнав про необъятный русский рынок, наводнили страну заморскими товарами. Не отставали от них и московские и новгородские *«гости»*... Жизнь на Руси налаживалась.

Эти внешнеполитические успехи убеждали царя Ивана

в исключительности его фигуры в русской истории. В это время царь часто путешествует по Руси с женой и старшим сыном Ванюшкой, посещает монастыри, усердно молится. Иностранные послы, посещавшие страну в эти годы, говорили, что *«Иоанн затмил своих предков и могуществом, и добродетелью... Нет народа в Европе, более россиян, преданных своему государю»*. Поверить ли им на слово, в устах иностранцев всегда лукавое? Но и сам Иоанн на Стоглавом Соборе 1551 г. публично каялся в своих «былых прегрешениях» и приглашал всех честных людей «содействовать ему в управлении государством». Но все эти прекрасные слова государевы не всегда доходили до ушей тех, кому они предназначались. Консервативное боярство, обиженные переделом монастырских земель церковные иерархи было крайне недовольны происходившими переменами, и главной причиной этих перемен они считали не назревшую политическую и общественную ситуацию, а деятельность Избранной Рады.

Затянувшаяся Ливонская война, когда после первых успехов русского войска против раздробленных сил Ордена поляки во главе с королем Сигизмундом остановили русских у границ Литвы, начавшиеся в конце 1550-х гг. жестокие раздоры между боярами и служилыми людьми, стихийно вспыхивающие народные бунты против царевых наместников, набиравшее все большее влияние правительство Адашева и отход на задний план Боярской Думы – все это постепенно меняло настроение самодержавного правителя. Иван 4, уже

с большим доверием слушая наветы княжат и родственников жены, начал опасаться, что его политическая роль и статус Божьего помазанника становятся менее значительными, а Адашев и Сильвестр по сути отодвигают его на задворки в принятии стратегических решений.

Иван Васильевич начал таить обиду гневаться, а слова кроткой жены Анастасии, которая к тому же почему-то не любила Сильвестра, все меньше убеждали его быть справедливым. 1559 год становится поворотным в политике Ивана Грозного.

Глава 4. Курс царя на усиление абсолютной власти. Первые репрессии

Внезапная смерть царицы Анастасии явилась той чертой, переступив за которую царь Иван делается в истории российской совершенно иным человеком. Последний фактор, как-то сдерживавший необузданный нрав царя и его исключительную подозрительность, исчез. Хотя и Сильвестр, и Адашев, почувствовав перемену в Иване, в начале 1559-го года сами тихо удалились от дел, царь разразился в их адрес гневной речью, в которой обвинил «сего лукавого лицемера» Сильвестра и «его прихвостня» Адашева в *«стремлении управлять царством без царя, ими презираемого!»*. Состоялся заочный суд над прежними правителями Руси, и «вина их была обнаружена».

Блистательного разработчика новых законов Сильвестра сослали в Соловки, опального премьера Адашева заточили в темницу, где он вскоре и умер. Все родственники Адашева были репрессированы: казнены Данило Адашев с **двенадцатилетним сыном**, **трое братьев жены Адашева**, **дальний родственник Шишкин** с женою... Были и другие репрессии, царь стал брать с ближних бояр поручные записи в

преданности своей персоне – «чтобы служить верно государю и его детям». Вокруг Ивана Грозного загарцевали его новые любимцы, будущие опричники: Алексей и Федор Басманы, Афанасий Вяземский, Василий Грязной, Малюта Скуратов-Бельский. Позже Грозный пояснит эти свои действия тем, что Адашев и Сильвестр *«сами государились, как хотели, а с меня есте государство сняли... словом, аз был царь, а делом ничего не владел»*. Новая элита, сформированная при Избранной Раде, забеспокоилась.

Польский князь Димитрий Вишневецкий, прибывший в Москву якобы для союза против крымских татар, схватив ситуацию, удрал обратно, прихватив с собой несколько людей из Адашевской партии. Как велено было говорить русским послам на Литве: «Притек к нам, как собака, и утек, как собака». Из нашего времени кажется, что Иван Грозный действовал порой излишне жестоко, даже изуверски – в отношениях тех бояр, которых он подозревал в измене. Но Иван 4 был человеком своего времени, и вряд ли он позабыл про многовековые раздоры удельных князей в 12–13 вв., которые привели Русь под иго Золотой Орды, про многочисленные измены князей и бояр в эпоху его деда Ивана и его отца Василия. Да и уходы некоторых русских князей к чужим правителям, с которыми Русь вела военные действия, не были чем-то исключительным... В 1563 году из России сбежали от возможных преследований царя братья Черкасские, бояре Тетерин и Сарыхозин, первопечатник Иван Федоров. Самое

же громкое бегство – уход князя Андрей Курбского к королю Сигизмунду-Августу.

Сей весьма влиятельный во времена Рады князек не только убежал от Ивана 4-го, но и стал посылать ему известные письма, где в дерзкой форме требовал у царя отчета в его подлых деяниях. Князь Курбский вопрошал в письме к Иоанну: *«Почто, Иван, различными муками истерзал ты сильных во Израиле, вождей знаменитых, данных тебе Вседержителем?»*, князь грозил царю Божиим судом и страшными муками на том свете за его прегрешения. Царь Иван, ужаснувшись предательства, тем не менее отвечал в письме Курбскому: *«Почто, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая бречное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего не хочешь умереть от меня, строптивого владыки, и наследовать венец мученика?»* Иван, со свойственной ему иезуитской логикой, описывает многочисленные измены бояр и подозрительную медлительность войска под руководством Курбского в битве под Невелем: *«вы побеждали невольно, действуя, как рабы, силой понуждения»*.

На упоминание Курбского о муках царевых на Страшном суде царь Иван изумляется: *«Разве в сем мире нет Власти Божией, коль угрожаешь мне судом на том свете?»* Все ересь манихейская...». И Грозный, и Курбский в душе надеялись увидеться еще раз при жизни, но этого не произошло. В конце 1564 года по Москве разнесся слух, что вой-

ска Девлет-Гирея движутся к южным пределам Московского царства, а войска Сигизмунда-Августа подступают к Полоцку. Московские граждане забеспокоились, создавались предпосылки для Смуты. Для эпохи Ивана 4-го наступал решительный момент.

Глава 5. Опричнина. Измены царю и казни изменников

До наших времен и советские, и российские историки не могут однозначно оценить смысл и значение того порядка правления на Руси, который установил царь Иван с 1565 до 1572 годы и получил название «опричнины». Такие авторитетные историографы, как Карамзин и Костомаров, оценивают это порядок однозначно отрицательно, видя в нем лишь признаки все более нарастающего деспотизма И. Грозного, другие, как Вас. Ключевский, С. Соловьев, С. Платонов, считают опричнину хорошо продуманным шагом царя по «сокрушению боярско-княжеского экономического и политического могущества». Мы уже упоминали, что измены знатных бояр царю и их уходы к противнику в первой половине 16 в. были вовсе не исключением, а правилом, что реальный авторитет в народе церковных иерархов в чем-то даже превосходил духовный авторитет «помазанника Божьего», что высшая знать ряда присоединенных в 1540–50-е годы к России территорий все еще не считала себя в полной зависимости от Московского царства, что набеги на Русь со стороны Поля продолжались, как и во времена противостояния Золотой Орде. Все это делало власть самодержца доста-

точно шаткой, и Иван 4 не мог этого не осознавать.

Конечно, в эту семилетнюю эпоху опричнины царь Иван действовал с неумолимой (даже для его времени) жестокостью, его новые фавориты-опричники в лице Басмановых, Малюты, Вяземского, Васьки Грязного творили форменный беспредел на территории «земщины». Но кто поручится, что без свирепости и активных действий И. Грозного Русь сохранилась бы как независимое и централизованное государство в середине 16 века? Что страна не распалась бы на отдельные территориальные куски, как она распалась уже через 20 лет после смерти царя Ивана? Что более мягкие и демократичные действия царя могли всерьез противостоять нарастающему процессу дезинтеграции Московского государства... Историки продолжают размышлять, а мы постараемся восстановить картину произошедших в это время событий, опираясь на блистательный труд Н. Карамзина и замечания В. Ключевского и Н. Костомарова.

В декабре 1564 г. по Москве разнесся слух, что царь собирает своих ближних, берет с собой верных ему людей и едет с ними неизвестно куда. Попутно Грозный объявил духовным и светским особам, что он отрекается от престола и передает правление «всей земле». Московские князья и бояре заволновались, такое «отречение» царя могло в корне изменить их положение – возможно, в лучшую сторону... 3 декабря царь Иван с обозами отбыл из столицы, полностью отстояв обедню в Успенском соборе. Остановился он лишь в Алексан-

дровской слободе, откуда и отправил 2 послания в Москву – Боярской Думе и духовенству и посадским людям. В первом послании Иване Грозный от души поносил всех изменников боярского племени, перечислял все их пакости царскому роду и жаловался, что не может мириться более с их изменами, а потому *«налагает на них опалу»*. Высказывал он претензии и к духовенству, обвиняя его в стяжательстве и изменничестве. Во втором послании царь заявлял, что к московскому посадскому люду у него претензий нет. Послания царя, зачитанные на Красной площади, посеяли ужас в Московии, народ загудел, призывая либо вернуть царя, либо *«потребить всех изменников и лиходеев»*. Представители Боярской Думы и духовенства, убоявшись народного гнева, составили делегацию и отбыли в Александров.

В 20 веке историки размышляли, как должно было ответить той правящей элите Московского царства Ивану Грозному. Что нужно было законодательно лишить царя престола и передать всю власть Боярской Думе. Что нужно было обезглавить опричнину, передавив по-тихому новых царских фаворитов. Что нужно было наотрез отказаться от условий, предложенных Иваном 4, постричь его в монахи и возвести на русский трон дядю царя Владимира Старицкого... Любопытные предложения, но вряд ли исполнимые в ту грозную эпоху (да и в нынешнюю?). Прошлые люди из бояр, в подлости поднаторевшие, все же не рискнули пойти на прямое смещение и замену царя; видимо, невозможно сие было.

Боярскую делегацию, прибывшую в Александров, царь велел схватить и говорить с ними, как с врагами. Иван Грозный поставил им ультиматум: он забирает себе в особый удел часть русских земель, ОПРИЧЬ остальных, учреждая там прямое царское правление, отбирает верных ему людей *«конно и оружно»* числом в тысячу для защиты от своих супостатов; остальная часть царства «земщина» отдается под управление Приказов и Боярской Думы. Москва также разделялась на «опричную» и «земскую» части, причем «опричные люди», набранные в основном из служилых людей и захудавших боярских родов, получали абсолютное преимущество над остальными. «Такого порядка Русь еще не знала», — замечает Н. Карамзин, однако в эпоху феодальной раздробленности 15 века подобный порядок правления в той иной форме место все же имел, и Грозный лишь шел проторенной дорожкой. Он, очевидно, рассчитывал создать некий прообраз идеального государства на «опричной» земле и позже распространить его на всю страну. Бояре и духовенство согласились с условиями царя Ивана.

С января 1565 года опричный порядок управления получает статус государственного, страна превращается в единое тело о двух головах: одна — царская, другая венчалась Боярской думой и Приказами. Опричники, эмблемой которых стали метла, привязываемая рядом с колчаном, и собачья голова, приторачиваемая к седлу, разъезжали по столице и другим «опричным» землям, именем царя творя «правосу-

дие». Любые люди, и подлого, и благородного происхождения, получив бесконтрольную власть, рано или поздно начинают творить произвол; так случилось и с опричниками.

Грабеж и насилие опричников над не защищенными царской милостью людьми сделались на Москве правилом в эту лихую эпоху... Были убиты отец и сын Горбатые-Шуйские, князья Сухой-Кашин, Дмитрий Шевырев и другие. Н. Костомаров в своем очерке об Иване 4 описывает издевательства опричников над домашними опальных бояр: женщин насиловали и вешали на дверях их домов, невинных девиц раздевали донага и пускали ловить кур, самих бояр избивали плетьюми, вешали, сажали на кол... Люди были для опричников «ловом», сами они – ловцами. Все эти бесчинства, так или иначе, санкционировались Иваном Грозным, который и сам любил участвовать в пытках и казнях.

Далеко не все одобрили такой порядок: митрополит Афанасий удалился в монастырь, сменивший его на посту митрополит Филипп публично осуждал зверства опричников и напрямую укорял Ивана Грозного в организованном содоме. Некоторые богатые купцы, пострадавшие от «царевых слуг» тайно расправлялись над особо отличившимися опричниками и их детьми. Наконец, в Новгороде, где еще не были подавлены основы народовластия, громко заговорили об «отложении от Москвы». Последовали поражения от войска Сигизмунда-Августа в Ливонской войне... Царь Иван опешил, весь его план переустройства общества и государства летел

в Тартарары.

Глава 6. Походы на Новгород и Псков. Бегство Ивана из Москвы

После публичного (во время богослужения) лишения сана митрополита Филиппа, его пострижения в монахи и его слов Грозному: *«Взыщется от рук твоих невинная кровь. Если молчат живые, то камни возопиют и принесут тебе смерть...»*, царь Иван озверел окончательно. Все время опасаясь измен со стороны ближних или отравления, он вызвал в столицу своего дядю Владимира Андреевича Старицкого с семьей и приказал ему выпить яд; домашних возможного своего преемника он разослал по монастырям, а слуг – приказал казнить. «Слезы лились в домах и храмах», но убить царя Ивана почему-то никто не рискнул: страх сковал людей окончательно. В декабре 1569-го царь, поверив слухам о возможном отходе Пскова и Новгорода к Литве, отправляется с бандой опричников на север страны.

Первой на дороге оказалась Тверь: царские выродки ворвались в город и принялись бить кого ни попадая, всех заключенных вытащили из темницы и утопили в Волге, загоняя баграми под лед. Ивашка и его сын присутствовали при этом и одобряли сие изуверские действия. Как пишет небезызвестный М. А. Трюхин: *«Осатаневший царь бивши*

посохом своим людей неповинных, не слыша и не понимавши ничего – от ослепления своего бесовского». Еще за несколько лет до того митрополит Филипп стал называть Ивана 4-го «Сатанаилом», и Грозный в это время как бы стремится соответствовать этому имени. В Торжке все ужасы повторились, а уже в первых числах января 1570-го банда Ивана Грозного подходит к Новгороду. По словам Костомарова, бесчинства в Новгороде были *«дикой местью царя живым за давно умерших».* Когда царь с дружиной вступил в город, его встретила городская знать и архиепископ Пимен с чудотворной иконой и льстивыми словами. Но взбесившийся царь не слышит ни голоса разума, ни слов церковного иерарха. Он дает знак своему «верному псу» Малюте Скуратову, и побоище началось. По данным Псковской летописи, за поход Грозного на Новгород было уничтожено около 60 тысяч человек. Собрав на площади всю новгородскую знать с женами и детьми, царь приказал «пытать об измене».

Новгородцев заживо жгли особым составом, кололи глаза, вешали на дыбу, волоком тащили по замерзшей земле и метали в Волхов с моста. Женщинам опричники связывали руки, привязав к ним младенцев, и топили в Волхове. Насилие и бесчинства опричников продолжались больше месяца. Особо старались здесь отец и сын Басмановы, поганец Вяземский, предшественник Берии Скуратов. Затем, уходя, Ивашка велел истребить в городе все съестные припасы и домашний скот...

Такие бесчинства не повторялись в Великом Новгороде до воцарения в 1930-е годы *нового варианта Сатанаила* – Иозефа Сталина. Результатом Иванова похода стал голод 1570 года, когда в Новгороде и окрестностях люди вырывали мертвых из могил и поедали их. Из Новгорода банда Грозного направилась в Псков, которому была уготована та же участь. Войдя в Псков утром, царева дружина узрела невиданную картину: коленопреклоненные горожане держали в руках хлеб-соль и благословляли царя Ивана. Грозный, измотанный предыдущими казнями, не выдержал такого выражения смирения и сказал дружине: *«Иступите мечи. Да престанут убийства!»*.

Однако опасность не миновала, царь приказал грабить городскую казну и пощипать зажиточных людей. Тогда местный салос (юродивый) Никола подошел к Грозному и протянул ему в дар кусок сырого мяса. Царь Иван изумился и отвечал: «Я христианин и не ем сырого мяса». На что Никола громко заметил: *«Ты поступаешь хуже, питаешься человеческим мясом»*. Пристыженный царь покинул Псков, не тронув жителей. Вернувшись в Москву, царь Иван ударился в набожность. Ему показалось, что все его злодеяния – результат «омрачения», наведенного на него колдунами и иными верными опричниками.

Иван Грозный решает наказать «злодеев», виновных в совершенных преступлениях. Но методы оставались теми же самыми. Призвав Афанасия Вяземского к себе и заговорив

его разговорами, царь приказал истребить всю его семью. Вернувшись от царя. Вяземский не выразил при виде трупов близких ни удивления, ни гнева... Ужаснувшись такой выдержке злодея, царь приказал пытать Вяземского до смерти и повесить. Были казнены содомиты отец и сын Басмановы, «верных» дьяков Фуникова и Висковатого порубили на части и сварили в котле на площади в Китай-городе. В июле 1570-го царем было казнено до 300 бывших опричников, заподозренных в колдовстве и измене. Вместе с отцом наблюдал все это и участвовал в этом наследник престола князь Иван Иванович. По словам Карамзина, Грозный *«достиг наконец вышней степени безумного своего тиранства; мог еще губить, но не мог изумлять»*. Московские люди, жившие в постоянном страхе за себя и своих близких, уже не были верной опорой трону. Новые царевы любимцы трепетали, видя бесславный и страшный конец своих предшественников. Политические противники России, видя состояние дел в Москве, решились на пересмотр былых Московских завоеваний.

Весной 1571 года 120-тысячное войско хана Девлет-Гирея перешло границы Крымского ханства и вторглось в южные пределы России. Земские воеводы на загородили ему путь через Оку, и Девлет-Гирей со страшной для того времени скоростью приближался к Москве... Царь Иван, видя уже подлинную, а не мнимую измену, не имея хорошо обученного войска для отражения натиска татар, драпанул прочь,

бросив Москву на произвол судьбы. Так отозвалась опричнина и на состоянии русского государства, и на самом царе, и на всем народе нашем.

Глава 7. Отмена опричнины. Жены и дети Ивана Грозного

Подступив к столице в мае 1571 г., Девлет-Гирей приказал зажечь ее предместья: «небо омрачилось дымом, огненное бурное море разлилось из конца в конец города... ото- всюду люди, гонимые пламенем, бросались в реку и тону- ли» (из Новгородской летописи). Татары хотели, но не могли грабить, огонь не щадил и их. Людей, видимо, погибло ве- ликое множество: более 200 тысяч горожан, не считая мла- денцев. 150 тысяч человек татары угнали в плен. Крымский хан, довольный усмирением Руси, отъехал от Москвы.

Царь Иван, *«ако натрусившийся шакал, приполз об- ратно»* и увидел почти полностью разоренную столицу. Девлет-Гирей, почувствовав силу, накatal Ивану письмо, где поносными словами стыдил русского царя, упрекал его в обращении с подданными «как со скотами» и требовал по-доброму отдать назад Казань и Астрахань. Иван отвечал Девлет-Гирею смиренно и просил лишь отсрочки платежа. Становилось ясно, что опричное войско не способно под- держивать обороноспособность государство, что опричнина не выполнила своей исторической функции. Была казнена новая партия опричников, тела супостатов Васьки Грязно-

го и Гвоздева-Ростовского выставили на Красной площади. Из руководителей опричного войска лишь Скуратов-Бельский чудом избежал заслуженного наказания и лишь для того, чтобы сгинуть спустя два года при штурме литовской крепости.

Управление войском царь снова отдал знатным боярам, имевшим опыт успешной борьбы с кочевниками. В результате вместо Казани Девлет-Гирей получил полный разгром 1 августа 1572 г. в битве у Воскресения при Молодах. Ратники под началом Михаила Воротынского побили поганных, убегавших татар потоптали конями. Хан бросил свой обоз, знамя, пленников и бежал в Крым. Сей день принадлежит к числу великих дней русской славы! Почуяв перемену в обществе, Иван Грозный ликвидирует опричнину, земщина снова называется Россией. Простые люди и знатные вздохнули свободнее...

Скучая вдовством, царь Иван решил жениться в третий раз. Со всей Руси ко двору свезли симпатичных девиц в возрасте от 14 до 19 лет, после соответствующего «конкурса» остались 24 претендентки. Царь с мамками лично осмотрел каждую из них, чтобы, как пишет Трюхин, *«зело убедиться в целостности оных»*, и объявил невестой 15-летнюю Марфу Собакину, дочь новгородского князя. Родня Собакиной порадовалась было счастьем дочери, но, памятуя о нраве царя Ивана, в Москву не поспешила. Остальные девицы были отданы за ближайших соратников, а Евдокия Сабурова стала

женой царевича Ивана. 28 октября состоялась свадьба Ивана и Марфы, а уже 13 ноября невеста скоропостижно скончалась... Да, царь Иван, несладка судьба тиранов, и за кровь, пролитую ими, взыскуется с них.

Раздосадованный Иван, нарушая тогдашний церковный запрет на 4-й брак, женится в 1572 году на девице Анне Колтовской, которую скоро насильно постригает в монахини, заявив о ее «несостоятельности». Пятой женой царя стала в 1575 году Анна Васильчикова, с которой он прожил почти 4 года, шестой – в 1579 г. Василиса Мелентьева (ее современники называли «женище»), историки говорят о всех этих женах Ивана 4 весьма скупое...

С детьми Ивану Грозному также не очень повезло. Старший сын Иван, наследник престола, рос не менее свирепым, чем отец, и жадным до плотских утех. Стычки между ним и отцом стали происходить все чаще, и после семейной ссоры, в припадке бешенства, царь Иван в 1581 году отправил царевича железным посохом в лучший мир. Второй сын Федор был слаб здоровьем и рассудком, а потому не способен к правлению, в эпоху Феодора Иоанновича, всеми делами управлял его шурин Бориска Годунов. Третьего сына Грозного царевича Димитрия умертвили в Угличе при весьма загадочных обстоятельствах, его имя затем будет использовано в начале 17 века целым рядом самозванцев для захвата и передела территорий Руси. Таким образом, уйти от расправ и казней в мир семейного благополучия царь уже не мог.

Так отмстила беспристрастная Немезида царю Ивану за его бесчисленные преступления в эпоху опричнины и гибель невинных русских людей. «*Возьми, царь Ивана, сына голову в руки...*».

Глава 8. Иван и Стефан: войны с Польшей

Зачастую правитель того или иного народа бывает именно таким, каким хотят его видеть поданные этого государства. Иван Грозный, действуя порой необузданно и жестоко, часто являлся ожидаемой со стороны населения реакцией государства на действия элиты Московского царства. Будучи человеком глубоко религиозным, царь Иван в своем воображении представлял неким Карающим мечом Господним, искореняющим пороки и отступления от веры собственных подданных. Он был одинаково безжалостен и к простому люду, и к представителям высшего боярства, и к тем, кого он считал предателями и губителями Руси. Смерти его личных врагов и казни, устраиваемым им своим приближенным, лишь подтверждают верность царя Ивана некой миссии по сплочению разрозненных и плохо управляемых территориальных уделов Руси в единое государство с некими общими принципами жизни и общим законом. Видимо, следует согласиться с этим мнением ряда авторитетных историков, иначе бывает трудно объяснить некоторые поступки Ивана Грозного, которые порой больно били и по нему самому, и

по «по-собачьи преданному» цареву окружению. Зачастую, человек, преступлением и подлостью возвышавшийся в эпоху И. Грозного, бывал им же и низринут... Закон человечества, с которым не мог не считаться и всесильный русский царь 16 века, и последующие российские самодержцы.

В апреле 1576 г. польский трон занял семиградский князь Стефан Баторий, талантливый и честолюбивый правитель. Между ним и Иоанном сразу же установились отношения взаимной неприязни, так как еще после смерти Сигизмунда-Августа в 1572 г. сам царь Иван пытался претендовать на польский трон. В ответ на вполне дружеское послание Стефана Батория, в котором он называл московского царя братом, Иван 4 немедленно ответил, что «Стефан не ровня нам и братом быть не может... польский король не достоин такого великого сана». Вновь избранный правитель Польши не на шутку разгневался, приготовления к новой войне закипели. Задача короля Стефана была понятна: он хотел отнять у Москвы все завоевания конца 1550-х гг. и помочь шведам вновь отрезать ее от Балтики.

В августе 1579 г. объединенные польские и шведские войска отбили у русских Полоцк, при этом иные русские воины переходили на сторону Батория, другие «бросали оружие, молили о пощаде, но их кололи и били». Шведы захватили почти всю Ижорскую землю, обожравшись ею. Царь Иван срочно созвал Собор, где потребовал у монастырей денег на ведение войны с супостатами. На Соборе он также запретил

духовенству во время войны заниматься земельными сделками. Церковная братия скрепя сердце предоставила Грозному искомые средства. Нужно было поспешать, так как Стефан Баторий, усилив свое войско, в июне 1580 г. выступил из Вильны. Он всерьез требовал от русских послов вернуть Польше Новгород, Псков и великие Луки... Царь Иван в своих речах грозился примерно наказать обидчика, но военный ресурс России был серьезно истощен. К середине сентября войска Батория уже взяли Велиж, великие Луки, Невель, Озерище, почти не встречая сопротивления. Русские войска беспорядочно отступали, воевать и умирать за придурочную власть никому не хотелось.

Царь, женившись в это время уже в седьмой раз – на Марии Нагой, обдумывал, как ему поступить... Баторий, возбужденный близкой победой, писал Ивану: *«Ты не государь своему народу, а палач; ты привык повелевать над подданными, как над скотами... Курица защищает от орла и ястреба своих птенцов, а ты, Орел двуглавый, от нас прячешься!»*. Самое обидное для Ивана 4 и его приближенных заключалось в том, что грубые слова Батория были истинны, его мнение разделили бы многие русские люди. Видя приближающуюся опасность, Иван Грозный вынужден был назначить талантливого полководца В. Скопина-Шуйского командовать собранным войском, которое и прикрыло Псков. Именно к Пскову направил польский король свои основные силы, быстро захватив его пригороды – Опочку

и Красный. В конце августа 1581 г. Баторий начал осаду Пскова, рассчитывая на быстрый успех... 8 сентября, сделав пролом в крепостной стене, войска Батория устремились в Псков. Однако русские воины и горожане храбро защищались и отбили штурм поганых поляков. Следовали новые и новые попытки захвата города, почти 5 месяцев длилась осада Пскова. Решающим моментом противостояния стал взрыв псковитянами Свиной башни. Князь Иван Шуйский, который руководил обороной города, заметил, что польские воины после боя залегают отдыхать у башни и велел взорвать ее. Стефан Баторий разом потерял 5 тысяч человек и вынужден был снять осаду.

Шведы, вступившие в союз с Баторием, также не дремали. Шведским войском у России были отбиты Корела, Ям, Копорье, Нарва... Литовский князь Станислав Радзивилл, носитель титула князя Священной Римской империи, собрав под свои знамена казаков и литовских татар, ворвался вглубь России и дошел почти до Старицы. Именно там торчал с бывшим опричным войском царь Иван. Грозный побоялся начать военные действия лично, опасаясь, что будет предан своими же воеводами и выдан литовцам. Как замечает Костомаров, *«долгие мучительства и развращение, посеянные в народе опричниной, приносили свои плоды»*. Иван направил своего посла к римскому Папе, умоляя его вмешаться и остановить войска Речи Посполитой. Папа прислал для переговоров иезуита Антония Поссевина, при посредни-

честве которого в январе 1582 г. было заключено 10-летнее перемирие России с Речью Посполитой. По этому соглашению страна теряла часть своих земель, уже завоеванных поляками и литовцами, но в течение 10 лет могла не опасаться налетов Стефана Батория.

В 1583 г. Иван Грозный вынужден был пойти на мир и со шведами, подписав 3-летний Плюсский мир. По этому договору Россия теряла Копорье, Ям, Ивангород, территорию южного побережья Финского залива. Таким образом, Россия снова оставалась без выхода к Балтийскому морю, что вело и к существенному сокращению торговли с Англией и Голландией. Так стареющий Иван Грозный полностью обременился в войнах с исконными врагами русского государства. За это его вряд ли следует прославлять...

Глава 9. Последние годы царя Ивана. Смерть Грозного

После погребения в ноябре 1581 года в Архангельском соборе царевича Ивана Ивановича, случайно убитого им, царь Иван объявил. Что не желает больше царствовать и слагает с себя царские знаки. Он заявил при этом, что царь должен теперь избираться Боярской Думой, так как его второй сын Феодор к правлению не способен. Бояре и приближенные служилые люди зашевелились. Некоторые всерьез подумывали о преемнике! Однако вскоре по Москве прошелестел слухок, что сие есть «пытка царя», нет ли в государстве измены, не переменялось ли боярство к русскому правителю после ряда неудач во внешней политике. В результате единодушным ответом бояр Грозному были слова: *«Не оставляй нас, неразумных; не хотим царя, кроме богом данного, тебя и твоего сына»*. Царь Иван снова сменил клобук на шапку Мономаха.

В это время царь горько скорбел о содеянных злодеяниях, часто молился и отстаивал все службы на коленях. Он посылал по монастырям богатые дары, чтобы монахи молились об упокоении души его сына, сам молился за людей, загубленных им, и вписывал их имена в синодики... Этим Грозный

внешне отличался от других правителей Руси, едва ли помнивших все свои жертвы. Но вот убиенным русским людям едва ли было так необходимо это позднее раскаяние Иоанново. Сам Грозный, окруженный тайными недоброжелателями и возможными претендентами на трон, жил последние три-четыре года в постоянном страхе за свою жизнь.

В начале 1584 г. у царя Ивана открылось какое-то «страшное гниение изнутри», поговаривали, что его отравили свои же холопы. Придворные лекари применили все свое искусство, но болезнь не проходила. По церквам велено было молиться о здоровье царя, но большого энтузиазма этот призыв, видимо, не имел. Царь бросился было к знахарям, но и те не могли ему помочь. Почуввав неизбежное, Грозный составил завещание в пользу сына Федора и Боярского совета во главе с Борисом Годуновым. Знатные бояре Мстиславский, Романовы, Петр Шуйский обиженно взвыли: по разрядным книгам они были знатнее Годунова. Но выли бояре тихо, опасаясь гнева Ивана и происков хитроумного Борьки Первого.

Начало марта протекало для царя Ивана мучительно: оживающая природа, казалось, готовила ему печальный конец. Все тело его покрылось ранами и язвами, как бы напоминая о всех его прегрешениях перед Господом. Не доверяя уже ни лекарям, ни знахаркам, ни священникам, Иван обратился к волхвам... Те явились пред царицы очи и, не обнадеживая, назвали ему день смерти. Грозный, походивший в свои 54

года на полуразложившегося человека, тем не менее не согласился и пообещал зарыть их живьем, если они ошибутся. Волхвы предложили подождать и увидеть, что будет.

Последние дни своей земной жизни царь Иван проводил уединенно, играя в шахматы сам с собой. Из близких иногда его посещал сын Феодор, преемник Борис Годунов и его сестра Ирина, жена Феодора. За несколько дней до предсказанной смерти Ирина в ужасе бежала от Грозного: совершенно лысый, покрытый кровоточащими язвами, государь пытался «потешиться» с нею.

Наступило 17 марта, предреченный волхвами день. С утра царь Иван почувствовал себя гораздо лучше и решил принять теплую ванну. При этом не забыл послать гонца – сказать волхвам, чтобы те готовились к неизбежному. Волхвы спокойно ответствовали гонцу: «Но день еще не миновал...». После ванны Грозный велел расставить шахматы, но осердившись на нерасторопность слуг, разогнал их и стал ставить фигуры сам. Но белого короля он поставить никак не мог, приподнялся на подушках, наклонился и неосторожно упал...

Когда к царю Ивану подбежали, он был уже бездыханен. По словам Карамзина, *«Иоанн лежал уже мертвый, но страшный для предстоящих царедворцев, которые долго не верили глазам своим»*. Явившийся митрополит лишь констатировал факт и провел обряд пострижения, нарекиши Ивана Ионою. Наконец было провозглашено: «Не стало государя!».

Ударили в колокол на исход души, ополоумевший народ бросился к Кремлю... Борис Годунов, решивший не терять времени, велел затворить ворота. На третий день царя Ивана похоронили в Архангельском соборе, рядом с могилой сына.

По словам Н. Карамзина, у пришедших проститься с царем людей текли слезы, на лицах была горечь. Историк продолжает сравнение: *«Безмолвствовал суд человеческий перед Божественным – и для современников опустилась на театр завеса»*. Так умер самый жестокий, самый образованный и самый неоднозначный по делам его русский правитель – до появления в конце 17 века Петра Великого. Имя Грозного осталось за ним в русской памяти.

Последствия правления царя Ивана

Последствия правления Ивана Грозного были для судьбы нашей страны весьма неоднозначны. С одной стороны, явное «развращение» народа подлостью, вероломством и предательством были налицо. В последние годы правления Грозного русские воины и воеводы легко уступали полякам и шведам города и земли, так как никто не хотел гибнуть и страдать за безумного монарха. Возле русского трона в эпоху Грозного оказались люди, мало способные к грамотному управлению страной, но поднаторевшие в убийствах и подлости; часть этих людей удержалась и после смерти царя Ивана. Все выше перечисленное уже готовило время Смуты и самозванства в начале 17 века.

С другой стороны, в эти годы Русь окончательно раздавила мутные осколки Золотой Орды, были с боем взяты Казань и Астрахань, началось освоение русскими сибирских земель и заселение Дона. Были улучшены законы на основе Судебника 1550 г., составленного Сильвестром, была предпринята попытка упорядочения системы правления и землепользования (деятельность Приказов, вовлечение в управление служилых и ратных людей, раздача служилым земли для ее ак-

тивного освоения), было окончательно централизовано русское государство.

Царь Иван был Великий грешник: семь жен, убийство сына, казни и пытки невинных людей, погромы русских городов, убийство митрополита Филиппа – все на нем! При этом он был довольно богобоязненный человек, много времени простоявший за молитвами и разбивавший лоб в земных поклонах, прекрасный для того времени стилист, обладающий богословской эрудицией. Грозный был мнительный и подозрительный правитель, охотно веривший наветам и доносам ближних, устроитель публичных казней и беспощадных пыток. Иван Грозный был *истинный, в понимании народа того времени, царь*, который не позволял боярам, проходимцам и духовенству вмешиваться в дела Государевы, который иногда приближал проходимцев к трону, но сам же и устранял их. Частые смены политических настроений Ивана 4-го не могли не повредить нормальному общественному развитию России, но его попытки дать стране выход к морям, сделать Русь мощнейшим европейским государством завершились успехами русского оружия в эпоху Петра 1 и Екатерины 2.

«Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезнее для государей и народов: вселять омерзение ко злу значит вселять любовь к добродетели...», – так завершает свое повествование об эпохе Ивана Грозного великолепный историк Карамзин. Фигура Ивана

Грозного заняла свое место и в русской, и в европейской истории 16 века. Царь Иван был правителем своего времени – позднего Средневековья, и его политические и религиозные озарения сочетались с явным помрачением его рассудка. Несмотря на все его преступления, народ русский выделял Грозного среди других русских царей 16–18 вв., порой видя в нем истинный пример для них. Таков итог нашего труда, как выразился бы уже упоминаемый нами историк Михей Ап. Трюхин, *«не по замышлению Бояню, а по сирой истине, коей владеет один Всемогуций»*.

Вспомните время Иваново, но не забывайте о времени, в коем сегодня проживаете! Сгниют в истории мира кости человеческие, но не истлеет Слово Божие... Аминь.

*Август-сентябрь 1994
лето 2009 г.*

Один среди звезд(Детство и юность Михаила Лермонтова)

Люди друг к другу зависть питают;
Я же – напротив!
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел...

М. Лермонтов «Небо и Звезды»

Одиночество и гениальность **Михаила Лермонтова** в нашей литературе почти ни у кого не вызывает сомнения. Несмотря на некоторую логичность присутствия писателя Лермонтова в русском литературном процессе второй половины 1830-х гг., на шумный успех некоторых его стихотворений, «Демона» и «Героя нашего времени», этот ПОЭТ никогда не мог быть однозначно отнесен к какой-то укоренившейся традиции. В 1840-е все литераторы вздохнули и говорят о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе, в 1850–60-е гг. критика разделяет «чистое искусство» и «гражданское» направление в русской поэзии, и во

всех этих случаях фигура Лермонтова замерла как-то одиноко и несколько вдалеке от общественных баталий. Он, несомненно, поэт милостью Божией, балансирующий на грани земного и вечного: достаточно прочитать его «Парус», все «Молитвы», «Смерть поэта», «Пророк», «Сон» и др. Но он же и публицист (гражданским пафосом наполнены «Поэт», «Дума», «Журналист, читатель и писатель»), и патриот (кто не вспомнит его «Бородино», «Валерик», «Родину» и др.), он и brave officer, не прячущийся за солдатские спины, он же и преследуемый невежественным царем и его дворней вольнодумец.

Лермонтов и самый яркий наследник великого Байрона в мировой поэзии, он же достойный продолжатель в русской поэзии «нашего всего» Александра Пушкина. Он и создатель нового жанра – русского «психологического» романа, без которого не воспарили бы к своим высотам ни Тургенев, ни Достоевский, ни Лев Толстой. При этом он – поэт как бы вне тенденции, вне литературных школ и общественных восторгов. Он тотально одинок, как в личной своей жизни, так и в контексте литературного процесса конца 1830– начала 1840-х гг.

Лермонтов – гонимый северный странник, холодная Луна на звездном небосклоне отечественной словесности; он готов откровенно говорить только с Ангелами и со звездами,

признавать свою равность только им. Пожалуй, лишь Владимир Маяковский верно схватил эту традицию Лермонтова в русской поэзии, вписав своего героя в начале 1910-х гг. не в общество борцов за переустройство мира, а напрямую – в разряженный Космос («Эй, Небо, снимите шляпу, я иду...»). С ранних своих поэтических опытов и до самого своего безвременного конца в июле 1841 г., который он всегда предчувствовал, Михаил Лермонтов как бы напоминал нам, обитателям земли, что он лишь на время спустился к нам и спел только то, что позволено ему было спеть в этот промежуток земной жизни.

А наше дело – зажав глаза и открыв уши, слушать эти небесные песни поэта Михаила, которые не стоили, видимо, тех земных радостей, которые ему были с детства даны, но которые он, видимо, предпочел вовсе не заметить.

В этой части эссе мы поговорим о детстве и юности нашего поэта, которое во многом предопределило его будущее взросление и поэтическое просветление.

Михаил Лермонтов родился 3 октября 1814 г. в Москве. Брак его родителей – богатой наследницы Марии Михайловны Арсеньевой и армейского капитана Юрия Петровича Лермонтова – принято считать неудачным. Отец поэта Юрий Лермонтов – сын небогатых помещиков, офицер, уволившийся из армии в 1811, но в 1812 г., после вторжения

Наполеона, вступивший в Тульское дворянское ополчение. По воспоминаниям современников, Юрий Петрович отличался, с одной стороны, красивой внешностью и приятными манерами, но при этом часто бывал вспыльчив и резковат в общении. Познакомившись в 1813 году с восемнадцатилетней Марией Арсеньевой, девушкой болезненной и впечатлительной, бравый офицер совершенно очаровал ее. Несмотря на противодействие своей матери Елизаветы Алексеевны, урожденной Столыпной, Мария Михайловна настояла на браке с любимым человеком. Современники вспоминали, что мать Лермонтова отличалась необыкновенной музыкальностью, играла на фортепиано, часто напевала романсы. После рождения в Москве сына, в апреле 1815 г. чета Лермонтовых вернулась в Тарханы, чтобы недолго прожить в относительно счастливом забытии, в 1817 г. Мария Михайловна скончалась от чахотки.

Михаил смутно помнил свою мать, известно лишь его воспоминание о какой-то песне, которую Мария напевала, когда ему было всего 3 года от роду: *«То была песня, от которой я плакал»*. Отец так и не смог ужиться с тещей Елизаветой Алексеевной и, по договоренности, удалился в свое родовое поместье Кропотово, оставив Мишу на попечение бабушки. Некоторые биографы уверяют, будто за его отказ от воспитания внука бабуля выдала Юрию Петровичу 25 тысяч рублей, но другие (например, П. Вырыпаев) с негодованием это предположение отмечают. Отец лишь изредка виделся со

своим Мишей, хотя, несомненно, какие-то черты соединяли их не только по линии земного родства. Ожесточенное противостояние двух любящих его людей, конечно, не могло не сказать на формировании характера Лермонтова.

В стихотворении 1831 г. **«Ужасная судьба отца и сына...»**, написанном в связи с кончиной Ю. П. Лермонтова, семнадцатилетний поэт выражает как ощущение своего одиночества и покинутости, так и веру в то, что его отец достойно завершил свой путь: *«Но ты свершил свой подвиг, мой отец,/ Постигнут ты желанною кончиной...»*. Далее Лермонтов замечает, что усилия людей потушить огонь сыновней любви были тщетны, хотя и он, и его отец при этом страдали:

*Однако, тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья...*

Поэт говорит, что дух его отца («дух ада или рая») теперь далеко от земли и что он теперь счастливее его. Однако, сквозь размеренное философское повествование прорываются слова искреннего сожаления о «сумрачных, но милых днях», когда они были вместе. Заканчивается текст не совсем понятным, с точки зрения жизненной логики, восклицанием поэта: *«Ужель теперь совсем меня не любишь ты?»*.

Лермонтов не раз обращался к этой теме (драма «Стран-

ный человек»); взрослея, он начинал понимать, чего его, по нелепой прихоти, лишила любящая бабушка. Очевидно, что общение с отцом могло сильно повлиять и на умственное развитие Михаила, и на его жизненные предпочтения. Известно письмо Юрия Петровича, где он как будто дает наказ своему сыну: *«Ты одарен способностями ума, – не пренебрегай ими... это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!...ты имеешь, мой сын, доброе сердце, – не ожесточай его даже и самую несправедливостью и неблагодарностью людей. Верь, что истинная, нелицемерная любовь к Богу, к ближнему есть единственное средство жить и умереть спокойно»*. Такие глубокие замечания не мог выразить человек циничный и равнодушный, каким порой представляют Юрия Петровича некоторые ре- тивые лермонтоведы.

В имении Тарханы Лермонтов получил превосходное по тому времени образование (иностранные языки, литература, рисование, музыка). Семейные предания о легендарном основоположнике его рода – шотландском поэте **Томасе Лермонте** – также наложили отпечаток на его сумрачное детство. Лермонтов с самых ранних пор ощущает некую отъединенность от внешнего мира, свое особое положение и в своей семье, и в мире окружающем. Большое влияние на него оказали домашний учитель француз Капэ, сумевший внушить ему уважение к "герою дивному" Наполеону, и англичанин Виндсон, познакомивший Лермонтова с английской поэзи-

ей, в частности с творчеством Байрона. Лорд Байрон становится для Мишеля поэтом, под звездой которого пишется большинство его философских стихотворений в 1828 -31 гг.

Особенно волнует нашего юного гения тема смерти и бессмертия, тема душевных странствий. Эта тема наиболее заметна в двух его стихотворениях 1828–29 гг. под названием «**Ночь**» и близком по содержанию к ним стихотворении 1830 г. «**Смерть**», которые представляют собой – порой детальное, порой достаточно вольное – переложение текста Байрона «*Darkness*». Сюжет этого стихотворения, существующего в трех вариациях, вначале напоминает бесчисленные тексты поэтов-романтиков о двойной реальности бытия. Находясь в призрачном состоянии сна, герой вдруг понимает, что он умер:

*Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир...*

Бессмертная душа героя после встречи со светозарным Ангелом отправляется в путешествие на грешную землю, чтобы молиться и заслужить прощение Спасителя («Ночь», 1 вариант). По пути герой вспоминает все свои «*гнусные деянья*», «*свершенное добро*», возлюбленную, но главное потрясение для него впереди; он должен увидеть собственный

труп, гниющий в гробнице. В варианте 1830 г., именуемом «Смерть», Лермонтов более детально рассказывает, как душа его героя рассталась с телом, какие чувства герой при этом испытал:

*И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержатъ души нетерпеливой
Порывы. Но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.*

Душа героя понимает, что ее пребывание в телесной оболочке было лишь «кратким изгнаньем», что она вернулась туда, «где долго жил, где все известно мне». Ни в первом, ни во втором варианте «Ночи» не описывается причина наказания умершего героя; в первом случае Ангел просто сообщает о его жребии, во втором – *Скелет* предлагает ему совершить «ужасный выбор» между смертью и жизнью двух близких ему людей.

В итоговом тексте «Смерть» уже отдельная строфа посвящена описанию Книги (видимо, судьбы), в которой герой ясно видит свой ужасный жребий:

*Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукою. И много*

*Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю ...*

И бесплотный дух героя, несмотря на предстоящие ему страдания, вынужден покориться. Дух опускается на землю и видит «*бренные останки*» того, чьей неделимой частью он еще недавно был. Подражая Байрону, Лермонтов подробно описывает разлагающийся труп своего героя, как бы предлагая читателю ужаснуться увиденному. И в первом варианте текста, в варианте 1830 года дух героя описывает свой вполне «человеческий» страх и свое нарастающее возмущение в этой странной ситуации: «*Я должен был смотреть на гибель друга, / Так долго жившего с моей душою, / Последнего единственного друга, / Делившего ее земные муки...*». Дух героя пытается оживить «бренные останки», вернуть им хотя бы на миг земную *теплоту*, он готов отдать за это все «*земные блаженства*». Но попытки его напрасны; смерть уж свершила свой приговор, телу его не дано вернуться к жизни. И вот тогда герой (как бы незримо присутствующий при всем этом кошмаре) обрушивает «*дикие проклятья*» на своих родителей, на всех людей, он ропщет на Творца и готов уже «*изречь хулы на Небо*». В этот самый миг герой просыпается: «*Но замер голос мой, и я проснулся*».

Итак, мы ясно видим, как юный Лермонтов в течение двух лет с каким-то странным упорством возвращается и к теме смерти, и к теме посмертных странствий человеческого духа. Нейтральное название «Ночь» в первых вариантах стихотворения Лермонтов, очевидно, вполне сознательно заменяет названием «Смерть», которое гораздо точнее передает все происходящее с его героем. А ведь поэту в это время только 14–16 лет и, казалось бы, обстоятельства жизни вовсе не должны были обращать его к таким мыслям. В это время у него появляются друзья, Михаил испытывает вполне серьезные чувства к девушкам, учится тому, что его по-настоящему интересует и увлекает. Но тема смерти многократно и назойливо будет еще повторяться в его творчестве. **Тема бесплотного духа**, который тяготится радостями земного существования и жаждет возвращения на небо, станет доминирующей в лучших текстах нашего гения («Ангел», «Демон» в окончательной редакции, «Мцыри», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...», отдельные рассуждения Печорина о двух частях его души в «Герое нашего времени» и др.). Поэт, еще схематично, определяет в ранних текстах «Ночь» и «Смерть», опирающихся и на накопленный романтический опыт предшественников, собственное *понимание сути земной и небесной жизни*.

С 1827 года Лермонтов постоянно живет в Москве. С сентября 1828 г. два года обучается в Московском благородном пансионе, позднее – два года в Московском университете.

Именно к 1828 году сам Лермонтов относит начало своей творческой жизни. В 1830 году он запишет в дневнике: *"Когда я начал мараить стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они ещё теперь у меня"*. В Благородном пансионе им составлялись рукописные журналы, а в журнале "Утренняя Заря" юный Лермонтов опубликовал свою первую поэму «Индианка». Купаясь в разлитом море романтических произведений того времени (лорд Байрон, И. В. Гете, П. Б. Шелли, Ф. Шиллер, Пушкин, Языков, Жуковский и др.), Лермонтов невольно усваивает некоторые образы, стилистику и сюжетные ходы знаменитых авторов. Стихотворение 15-летнего Лермонтова **«Монолог»** можно считать вполне самостоятельной попыткой выразить свое восприятие жизни.

Уже самое начало стихотворения – образец романтического стиля:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.